

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

СКАНДАЛ С МОДИЛЬЯНИ
БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

THE MODIGLIANI SCANDAL
PAPER MONEY

Перевод с английского *И. Л. Моничева*

Компьютерный дизайн *Я. Е. Половцевой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Скандал с Модильяни ; Бумажные деньги : [романы] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-082968-2

«Скандал с Модильяни» — это детектив, в котором, как замечает автор, «разнообразные персонажи, в основном молодые люди, совершают проделки, ни одна из которых не приводит к предсказуемому итогу. Критики хвалили его, называя сюжет живым, энергичным, легким, ясным, занимательным, легким (еще раз) и захватывающим».

В романе «Бумажные деньги» Кен Фоллетт, по его же собственным словам, «пытался показать, насколько тесно коррупция сблизила между собой преступный мир, высшие финансовые круги и журналистов. Поэтому концовка гораздо серьезнее, чем в «Скандале с Модильяни», — если разобраться, она почти трагична».

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-082968-2

© Ken Follett, 1976, 1977
© Перевод. И.Л. Моничев, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

СКАНДАЛ С МОДИЛЬЯНИ

Предисловие автора

В современном остросюжетном романе герой, как правило, спасает мир. В традиционных приключенческих историях все куда скромнее: основной персонаж спасает собственную жизнь и, возможно, жизнь верного друга или отважной девушки. В еще менее сенсационных произведениях — незамысловатых, но добротных написанных повествованиях, которые составляли основу читательской диеты более чем столетие, — ставки могут быть даже ниже, хотя все равно только собственные усилия героя, его борьба, его решения самым драматическим образом определяют в итоге судьбу этого человека.

Я же никогда не верил, что подлинная жизнь устроена именно так. В реальности совершенно неподконтрольные обстоятельства определяют, жить нам или умереть, станем мы счастливее или несчастнее, приобретем богатство или ввергнемся в нищету. Простые примеры: большинство состоятельных людей попросту унаследовали большие деньги. Большинству из тех, кто хорошо питается, всего лишь повезло родиться в развитой стране. Большинство счастливых воспитывались в любящих семьях, а большинству горемык достались не вполне нормальные родители.

При этом я не отношусь к числу фаталистов, не верю, что все в жизни зависит от слепого случая. Мы не контролируем свои судьбы, как шахматист по собственной воле передвигает фигуры на доске, но жизнь и не игра в рулетку. Реальность

сложнее. Механизмы, управление которыми для нас недостижимо — а зачастую и непостижимо, — руководят судьбой личности, хотя и наши решения, конечно же, имеют последствия, пусть не всегда именно те, каких мы ожидали.

Создавая «Скандал с Модильяни», я предпринял попытку написать новый тип романа, где сумел бы отразить нюансы подчинения индивидуальной свободы более мощным процессам. Этот амбициозный проект мне не удался. Вероятно, такой роман и не может быть написан: если Жизнь не зависит от личного выбора, то, по всей видимости, Литература зависит от него.

В итоге из-под моего пера вышел вполне жизнерадостный детектив, где разнообразные персонажи, в основном молодые люди, совершают проделки, ни одна из которых не приводит к предсказуемому итогу. Критики хвалили его, называя сюжет живым, энергичным, легким, ясным, занимательным, легким (еще раз), захватывающим. Меня разочаровало, что они не заметили изначальную серьезность моих намерений.

Но я больше не считаю книгу своей неудачей. Она захватывающе легка, но это не делает ее хуже. А тот факт, что она настолько отличается от задуманного мной произведения, не должен удивлять меня. В конце концов, он лишь доказывает правоту моей точки зрения.

Кен Фоллетт, 1985 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРУНТОВКА ХОЛСТА

На искусстве не женятся. Им овладевают насильно.

*Эдгар Дега,
художник-импрессионист*

Глава первая

Пекарь провел по черным усам покрытым слоем муки пальцем, сделав их седыми, и невзначай внешне состарил себя лет на десять. Полки и стеллажи вокруг него были заняты удлиненными батонами свежего хрустящего хлеба, наполняя ноздри знакомым запахом, а грудь — тихой гордостью и удовлетворением. Этим утром он выпек уже вторую партию. Дела шли бойко, поскольку держалась хорошая погода. Немного солнца, и ты всегда можешь рассчитывать, что оно выманит парижских домохозяек из своих гнездышек на улицы города для покупки добротного испеченного хлеба.

Он посмотрел через витрину булочной, прищулив глаза от яркого света, бившего в стекло. Улицу пересекала хорошенькая девушка. Хозяин прислушался и уловил звук голоса жены в задней части дома, на повышенных тонах спорившей с их наемным работником. Ссора продлится несколько минут, так получалось всегда. Удостоверившись в безопасности, булочник позволил себе похотливо рассмотреть девушку.

На ней было легкое летнее платье без рукавов. По мнению пекаря, оно выглядело дорогим, хотя он не считал себя докой по этой части. Нижняя кромка расклешенного подола грациозно покачивалась выше коленей, подчеркивая стройность ее ничем не прикрытых ножек, обещая мимолетный взгляд на соблазнительное женское нижнее белье, но никогда не позволяя надеждам сбыться.

Слишком худошава, решил булочник, когда она приблизилась. И груди маловаты — они даже не подпрыгивали в такт ее широким и уверенным шагам. Двадцать лет совместной жизни с Жанной-Мари не отбили у хозяина булочной пристрастия к пышным, пусть и чуть обвисшим формам.

Девушка вошла в магазин, и булочник разглядел теперь, что она далеко не красавица. Лицо чересчур удлинненное и тонкое, ротик маленький и лишенный пикантности, со слегка выступающими вперед верхними зубами. У нее были русые волосы, немного выгоревшие на солнце.

Она выбрала на полке батон, проверила хруст корочки чуткими пальцами и удовлетворенно кивнула. Не красotka, но определенно вызывает вожделение, подумал пекарь.

Ее кожа казалась мягкой и нежной. Но именно манера держать себя приковывала внимание мужчин, заставляла оборачиваться вслед. Уверенная и хладнокровная, она сообщала миру: эта девушка делает только то, чего хочет сама, и ничего другого. Хозяин булочной сказал себе, что не стоит искать другого определения. Девушка была сексуально привлекательна. Вот это в самую точку.

Он поиграл плечами, чтобы освободить рубашку, прилипшую к пропотевшей спине.

— Тепло сегодня, не правда ли? — произнес он.

Девушка достала из кошелька монеты и заплатила за хлеб. В ответ на его реплику улыбнулась и вдруг оказалась *действительно красивой*.

— Солнце! Обожаю его, — сказала она, защелкнула кошелек и открыла дверь. — Спасибо! — бросила через плечо, выходя на улицу.

В ее французском языке звучал чуть заметный иностранный акцент. Английский, как показалось булочнику. Но, возможно, он только вообразил себе это, глядя на цвет ее лица. Он продолжал смотреть на ее попку, когда она снова пересекала улицу, замороженный движениями ягодиц, заметными даже под хлопком платья. Она, должно быть, возвращалась в квар-

тиру какого-нибудь молодого патлатого музыканта, продолжавшего валяться в постели после бурно проведенной ночи.

Пронзительный голос Жанны-Мари раздался ближе, разбив вдребезги все фантазии мужа. Тот тяжело вздохнул и бросил полученные от девушки монеты в одно из отделений кассового аппарата.

Ди Слейн улыбалась, удаляясь от булочной по тротуару. Легенды подтверждались: французские мужчины чувственнее англичан. Взгляд пекаря почти не скрывал сладострастия, а затем глаза оценивающе впились ей пониже спины. Английский булочник лишь мельком бы посмотрел из-за стекол очков на ее грудь.

Она чуть откинула голову назад, убрав пряди волос за уши, чтобы позволить горячим солнечным лучам беспрепятственно падать на лицо. Все чудесно! Эта жизнь, это парижское лето. Никакой учебы, никаких экзаменов, никаких сочинений, никаких лекций.

Спать с Майком, поздно просыпаться, проводить дни за книгами, которые давно хотела прочитать, или среди картин, особенно ей нравившихся, а вечером встречаться с интересными, эксцентричными людьми.

Скоро все должно кончиться. Еще немного, и ей предстояло принять решение, что делать со своей будущей жизнью. А пока она находилась в состоянии неопределенности, просто наслаждалась жизнью по своему вкусу, не имея перед собой четкой цели, которая бы диктовала, как ей следует проводить каждую минуту.

Она свернула за угол и вошла в небольшой, непритязательный с виду многоквартирный жилой дом. Когда она миновала кабинку с крохотным окошком, оттуда донесся тонкий голосок консьержки:

— Мадмуазель!

Седовласая женщина отчетливо делила свое обращение по слогам, ухитряясь придать ему чуть обвинительный оттенок,

как бы подчеркивая тот скандальный факт, что Ди не состояла в браке с мужчиной, снимавшим здесь квартиру. Ди снова улыбнулась. Парижский роман не был бы совершенен без фигуры не одобряющей его консьержки.

— Телеграмма, — сказала женщина.

Она положила конверт на полку под окошком и пропала в полумраке своей пропахшей кошками конуры, словно तोпилась отстраниться целиком и полностью от аморальных юных девиц и получаемых ими телеграмм.

Ди схватила конверт и взбежала по ступенькам лестницы. Послание было адресовано ей, и она заранее знала его содержание.

Ди вошла в квартиру, где положила батон и телеграмму на стол в тесноватой кухне. Засыпала зерна в кофемолку и включила ее нажатием кнопки. Машина шумно заскрежетала, превращая в порошок коричнево-черные зерна.

Словно в ответ, донесся чуть завывающий звук электробритвы Майка. Порой только многообещающим запахом кофе и можно было выманить его из постели. Ди заварила полный кофейник и нарезала свежий хлеб.

Квартира Майка была малогабаритной и обставленной старой мебелью в неопределенном стиле. Если бы ему хотелось чего-то более просторного, он смог бы, несомненно, это себе позволить. Но Ди настояла, чтобы они держались подальше от отелей и фешенебельных кварталов. Ей хотелось провести лето среди французов, а не в окружении космополитической толпы вечных скитальцев на реактивных самолетах, и она добилась своего.

Жужжание бритвы оборвалось, и Ди налила кофе в две чашки.

Майк вошел в тот момент, когда она ставила чашки на круглый деревянный столик. На нем были полинявшие, все в заплатках джинсы «ливайз», а верхняя пуговица синей хлопчатобумажной рубашки была расстегнута, обнажая полоску черных волос на груди и медальон на короткой серебряной цепочке.

— Доброе утро, милая, — сказал он, обогнул стол и поцеловал ее. Она обняла его, прижавшись, и страстно ответила на поцелуй. — Ничего себе! Это было сильно для столь раннего часа, — заметил он, расплывшись в широкой калифорнийской улыбке, и сел.

Ди смотрела на мужчину, благодарно потягивавшего сваренный ею кофе, и раздумывала, хотела бы она провести с ним всю свою жизнь или нет. Их связь длилась уже год, и она начала постепенно привыкать к нему. Ей нравились его цинизм, его чувство юмора, его лихой, с намеком на пиратский, стиль поведения. Их обоих интересовало искусство, и интерес доходил почти до одержимости, хотя его больше увлекала возможность делать на этом деньги, в то время как ее поглощали сложности и детали процесса творчества. Они возбуждали друг друга — в постели и вне ее, — став прекрасной парой.

Он поднялся, налил еще кофе и раскурил сигареты для них обоих.

— Ты необычно тиха, — сказал он своим басовитым голосом с американским прононсом. — Постоянно думаешь о своих результатах? Пора бы им уже прислать их тебе.

— Они как раз пришли сегодня, — ответила она. — Я лишь оттягивала момент вскрытия телеграммы.

— Что? Так зачем медлить? Давай же, мне не терпится узнать о твоих успехах.

— Хорошо. — Она взяла конверт и снова уселась, потом развернула единственный листок тонкой бумаги, просмотрела и подняла взгляд на Майка, широко улыбнувшись.

— Боже мой, я получила круглые пятерки, — сказала она.

Он в волнении вскочил на ноги.

— Ур-ра! — вскричал он с восторгом. — Я так и знал! Ты — гениальна! — И он начал подвывать мелодию, быстро имитируя танец в стиле кантри с Дикого Запада, с воплями «Йя-ху-у!», с подражанием звукам стальных струн гитары, кружась по кухне с воображаемой партнершей.

Ди не могла сдержатъ смеха.

— Ты самый юный и легкомысленный тридцатидевятилетний мужчина, какого я только встречала в жизни, — выдохнула она.

Майк поклонился в ответ на воображаемые аплодисменты и сел за стол.

— Итак? — спросил он. — Что сие означает? Я имею в виду для твоего будущего?

Ди снова стала очень серьезной.

— Это значит, что пора браться за докторскую по философии.

— Как, еще одна ученая степень? Ты ведь уже бакалавр истории искусств и в придачу имеешь диплом знатока живописи. Не пора ли перестать быть профессиональной студенткой?

— А зачем? Учеба приносит мне удовольствие, и если они готовы оплачивать мне занятия до конца жизни, то почему бы не воспользоваться возможностью?

— Но тебе платят совсем немного.

— Что верно, то верно. — Ди выглядела задумчивой. — А мне, конечно, хотелось бы на чем-то сделать себе солидное состояние. Но у меня впереди очень много времени. Я всего-то двадцати пяти лет от роду.

Майк потянулся через стол и взялся за ее руку.

— Почему бы тебе не поработать на меня? Я стану платить тебе большие деньги — те, которых ты действительно стоишь.

Она помотала головой.

— Не хочу въехать в рай на твоих плечах. Мне надо всего добиться самой.

— А по-моему, ты кое-где с удовольствием на мне катаешься, — ухмыльнулся он.

Она бросила на него притворно косою взгляд, но потом согласилась:

— Я это дело еще как люблю! — сказала она, подражая его акценту, однако сразу же отняла руку. — Но все же я напишу

диссертацию. А если она удостоится публикации, срублю на этом приличных деньжат.

— На какую тему?

— Ну, у меня есть пара идей. Наиболее многообещающе выглядит тема взаимосвязи творчества и наркотиков.

— Отличная дань современной моде!

— И тем не менее оригинальная. Думаю, удастся показать, что злоупотребление дурманом полезно для искусства, но губительно для художников.

— Превосходный парадокс. Где начнешь работу?

— Здесь. В Париже. Местное артистическое сообщество начало курить травку еще в первые два десятилетия XX века. Только называли они ее гашишем.

Майк кивнул.

— Не откажешься от небольшой помощи с моей стороны, чтобы было от чего оттолкнуться?

Ди потянулась к пачке сигарет и достала себе одну.

— Конечно, не откажусь, — сказала она.

Он дал ей прикурить от своей зажигалки.

— Есть один старик, с которым тебе просто необходимо пообщаться. Он дружил с добрым десятком выдающихся мастеров, живших здесь еще перед Первой мировой войной. Пару раз он наводил меня на след очень хороших картин. От его деятельности тогда слегка разило криминалом. Он, например, поставлял проституток в качестве натурщиц — хотя и для других услуг тоже, — молодым живописцам. Теперь сильно одряхлел. Ему, вероятно, уже за девяносто. Но память его не подводит.

В крошечной гостиной, одновременно служившей спальней, стоял не слишком приятный запах. Вонь из расположенной на первом этаже рыбной лавки проникала повсюду, сочась сквозь ничем не покрытые доски пола, впитываясь в побитую старую мебель, в простыни односпальной кровати в углу, в выцветшие портьеры на единственном небольшом